

Всего за несколько дней Минлань услышала четыре или пять различных версий родов Чжан Ши. Некоторые говорили, что наложница Цзоу убила главную жену, некоторые, что Шень Цхунсин пренебрегал главной женой, что вызвало у той депрессию... Или что слуги, оставленные первой женой Цзоу, вели тайную игру против главной жены, потому что боялись, что сын Чжан Ши будет угрожать статусу молодого господина... Лицо Минлань позеленело, когда она это услышала.

Однако в целом общественное мнение благоволило семье Чжан.

В такие моменты можно было увидеть, какую большую роль играет репутация. К тому же половина «капитала», находящегося на стороне семьи Чжан, являлись их родственниками в той или иной степени.

Одна семья — семья героя-основателя, выстоявшая на протяжении нескольких поколений, имеющая выдающиеся боевые достижения и репутацию, регулярно ежегодно раздающая кашу беднякам. С тех пор, как семья Цзоу приехала в столицу, они ещё не успели сделать ничего хорошего, зато многим были известны несколько сомнительных дел. Минлань спрашивала себя: что подумают обычные люди, когда узнают, что между двумя этими семьями возник спор из-за отношений между главной женой и наложницей?

Гу Тинье сказал Минлань, что император некоторое время пренебрегал императрицей, а затем отругал старшего принца и второго принцев за их лень и распущенность.

— Разве гун Ин не выздоравливает от болезни и не возвращается на службу? — удивилась Минлань. — Император всё ещё не желает сдаваться, быть может, это семья Чжан...

Хотя император также принял несколько новых наложниц, но, думая о своей жене, с которой они прожили много лет, время от времени он посещал её дворец. Отношения между императором и императрицей всегда были хорошими. Теперь же, когда было получено наказание, которое должно быть получено, а также осуществлено понижение наложницы Цзоу в ранге, а сама она всё ещё сидела взаперти, отношения между семьями Чжан и Шень улучшились, так почему он всё ещё...

— Дело не в этом. Что касается этого дела, старик-гун не собирается заниматься им лишь некоторое время и посоветовал императору не беспокоиться об этом.

После того как гун Ин оправился от болезни и отправился ко двору, император увидел, что он сильно постарел и выглядел теперь старше на десять лет, сгорбился и ослаб.

— Ваше Величество — хозяин мира, и вы хотите, чтобы семья Чжан сражалась в кровавых битвах, чтобы наши сыновья отдавали свои жизни на поле боя. Кто из моих отказывался?! Всякий раз, когда Ваше Величество изъявляет свою волю, меч старика указывает на ваших врагов. Это долг придворного. Не говоря уже о браке детей... Ваше Величество не должны тревожиться из-за женских слёз, — неожиданно произнёс он.

Император был очень тронут этими словами, и неоднократно повторил, что «Айцин — креп, как скала, и опора страны. Такая удача улыбается немногим».

Вернувшись к себе, император медленно осмыслил происходящее.

В пожалованном браке семья Чжан не была счастлива, но они всё равно продолжали выполнять свои обязательства перед страной. Юная госпожа из семьи Чжан была несчастна, наложница смела смотреть на неё свысока, но семья Чжан не жаловалась и заставила себя терпеть это. Почему же? Эти люди лояльны!

Семья Шень была их полной противоположностью.

Свадьба с семьёй Чжан было долгом перед императором, выплата долга семье Цзоу также была обязанностью семьи Шень. Но теперь оказывается, что он и его сёстры открыто хвалят младшую Цзоу Ши и пренебрежительно обращаются с Чжан Ши. Что это значит? Может быть, вы недовольны высшей волей, но поскольку не смогли открыто ослушаться, теперь мстили потихому?

— Гун Ин очень способный человек, — через некоторое время изумлённо пробормотала Минлань.

— Император стар и резок, — произнёс Гу Тинье.

Видя, что гун Ин выглядит как верный пожилой подданный, добрый и щедрый, он действительно мог говорить множество резких слов, напрямую поднимая семейные дела своих детей и родственников, если вопрос касался их лояльности. Это было не так уж и хорошо.

Игнорируя императрицу, ругая принцев, он словно подал сигнал цензорам, которые тут же зашевелились и приняли участие в происходящем, переводя всё в «не взрастили личную мораль, неподобающее поведение, пренебрежение правилами и этикетом» в сторону Шень Цхунсина, и также в сторону семьи Цзоу и наложницы Цзоу, которых обвинили в желании «захватить семейную собственность и навредить людям», и так далее.

Небо над поместьем хоу Вэйбэй снова заволочло тёмными тучами.

Гу Тинье нахмурился. Он и Шень Дуань, Чжунген и Лю были старыми министрами императора, их честь и репутация не были поверхностным делом. На этот раз группа чиновников

участвовала в жестоком представлении.

Как раз в тот момент, когда в столице горячо обсуждалась тема семей Шень и Чжан, господин Ван и Хай Ши вернулись в столицу. Хай Ши держала на руках пухлого мальчика, родившегося в провинции.

— Почему старший брат ещё не приехал? — Минлань огляделась, но так и не увидела Чанбая.

— За последние несколько дней состояние канала в округе улучшилось, но твой старший брат обеспокоен и настоял на том, чтобы увидеть всё своими глазами, — улыбнулась Хай Ши. — Поэтому он попросил меня и сына вернуться на несколько дней раньше.

— Что касается Шан Цзюжэня, я боюсь ошибиться, но мой Бай'эр так хорош, — не мог скрыть гордости Шен Хун, но отказывался раскрывать хоть какие-то детали.

— Мой шурин на этот раз совершил выдающееся достижение, он не только помог простым людям жить в мире, но и отремонтировал десятки длинных каналов. Я слышал, что в отчёте об аттестации Министерства кадров он был утверждён, как лучший служащий, — произнёс Гу Тинье.

— Старший брат действительно потрясающий! — радостно произнесла Минлань. — Тогда... Будет ли он всегда зваться Ванмин Санне?

— Эй, это просто вымышленное имя, не нужно беспокоиться об этом, — Шен Хун покачал головой и улыбнулся. — Будучи официальным лицом, самое главное принести пользу людям и разделить заботы императора. Не обязательно читать книги, написанные мудрецами, чтобы облегчить жизнь простому народу.

Минлань молча взглянула на отца: давно она не слышала столь громких и праведных заявлений.

Ванмин Санне, иными словами, зонт народа, было именем, которое принимали на себя чиновники, обязывающиеся выполнить определённую работу. Информация об их реальных именах и личностях как правило не предавалась широкой огласке. Иными словами, это заявление было искренним. Следующими действиями официального лица должно быть получение хороших оценок на очередных экзаменах, а также получение повышения в ранге. Если вы сможете разбогатеть и увеличить производство, потерянный десяток лет не будет напрасным.

Ван Ши была самой счастливой в эти дни: она столько плакала от радости из-за возвращения старшего сына, которого давно не видела, и столько обнимала маленького внука, что ей ни до чего не было дела. Однако к сожалению через несколько дней всеобщее внимание у неё было украдено.

На четвёртый день шестого месяца Лю Ши родила девочку. Она чувствовала себя немного несчастной, поскольку её первый ребёнок не был мальчиком, зато Чанфен был очень доволен. Мать Лю Ши была очень взволнована.

— Мой зять, усердно учись и сдай экзамен следующий весной, чтобы позаботиться о своей жене и детях, — похлопав Чанфена по плечу, произнёс господин Лю.

Через некоторое время, когда брови девочки проявились, и глаза открылись пошире, все были очень удивлены, поскольку она была сильно похожа на Хуалань. Даже нрав у неё был похож на Хуалань в детстве. Все смеялись, поскольку её племянница была больше похожа на неё, чем её родная дочь, Чжуан.

После рождения третьего ребёнка Хуалань немного смягчилась по отношению к наложнице Линь и её детям, и она даже сделала Лю Ши два щедрых подарка, из-за чего уже Ван Ши почувствовала себя несчастной. Она, естественно, не сдержалась, и произнесла несколько холодных слов, смысл которых заключался в «Что такого в рождении дочери?»

Увидев, что она снова собирается поступать неразумно, пожилая госпожа Шен насторожилась и отчитала её за закрытыми дверями. «Разве после рождения Хуалань её отец не вёл себя также? Перестань вести себя так, будто она нежеланный домашний питомец».

В то время Шен Хун так сильно любил Хуалань, что как-то раз даже взял с собой в правительство, потому что не желал расставаться с ней. Вспоминая о том прекрасном времени, когда она только-только вышла замуж, Ван Ши не могла не ощутить разочарование. Если бы не было наложницы Линь, как всё было бы прекрасно!..

Видя, что Чанфен и Хуалань постепенно примиряются, Молань осталась в стороне. Ей не нравилось только то, что интриги Лю Ши были настолько хороши, что из-за неё они, брат и сестра, поссорились. Во время этого визита она снова поссорилась с Чанфеном, а затем в гневе ушла, отказываясь ещё раз взглянуть на ребёнка.

Государственные и семейные дела кажутся такими сложными, однако когда у Туаня вырос пятый зуб, дело семей Чжан и Шень подошло к своей развязке.

На этот раз семье Цзоу не повезло. Два человека были найдены мёртвыми, многие земли и люди были захвачены. Цензоры продолжали говорить, что они хотят убить людей, чтобы завладеть имуществом. Шень Цхунсин снова хотел заступиться, но он колебался.

Императрица Шень пошла к вдовствующей императрице Шэнъань плакаться, но когда прошёл слух, что император намеренно прекратил протест в среднем дворце, она вдруг поняла, что её муж теперь не тот пятый принц, которым был раньше.

Однако у императрицы Шень ещё был выход из сложившейся ситуации. Как только она осознала всю её серьёзность, она тут же сняла с себя корону, одежду, и в нижнем платье

преклонила колени у ворот дворца Цяньцин, чтобы признать свою вину и умолять о наказании. «Вина придворных и наложниц, в том, что они не могут контролировать семьи своих родителей» — сказала она.

Император поддался ностальгии, ведь они много лет жили вместе. Видя, как горько плачет его жена, вспоминая тяжёлые времена прошлых лет, император смягчил своё сердце и даже остался во дворце Куньнин в ту ночь. Сразу после этого гун Ин устроил спектакль рекомендовал двух известных учёных-конфуцианцев на роль учителей первого и второго принцев. Император был рад одобрить это предложение, и даже повысил гун Ина в звании до вана Тайбао, а сын семьи Чжан получил титул капитана Цинче второго ранга.

Флюгер снова развернулся.

Итогом компромисса стало то, что старший сын семьи Цзоу, тот самый дядя Цзоу, был сослан за три тысячи ли к юго-западу, второй дядя получил тридцать ударов большой доской, и был оштрафован на половину своего имущества.

За это время Минлань дважды посещала младшую Шень Ши, которая выглядела как испуганная птица. Её живот был огромен, но тело очень худым, поэтому госпожа Чжен очень беспокоилась о том, что роды будут тяжёлыми и трудными.

Таким образом, когда сыну Чжан Ши пришло время праздновать первый лунный месяц, семьи Чжан и Шень устроили совместное празднование, которое не только смыло всю неудачу, но и придало импульс их отношениям, и в то же время показало внешнему миру, что две семьи помирились и в их отношениях всё также, как и прежде.

За несколько дней до празднования первого месяца, Чжан Ши пригласила Минлань себе, чтобы узнать у неё о тривиальных вопросах организации.

«Я не видела вас долгое время, мой муж очень скучает по Гу хоу», — передала Чжан Ши.

— Брат Шень боялся, что ему будет скучно дома. Он думал, что сидя за закрытыми дверями, будет страдать от одиночества, ведь не многие старые братья посещают его сейчас. Я пойду с тобой сегодня, — горько улыбнувшись, произнёс Гу Тинье.

Чжан Ши. Хозяйка поместья хоу Вэйбэй, долгое время жившая в уединении, решила в этот раз самолично организовать банкет, и снова появиться на публике. Напитки, еда, как развлекать гостей и т.д. — обо всём этом её проинструктировала госпожа Чжан, её мать. Однако она не была знакома ни с кем из семей «братьев» Шень Цхунсина, поэтому попросила Минлань рассказать о них заранее.

Минлань рассказывала о них по очереди: каково происхождение семьи Дуань, о том, что госпожа Дуань происходит из известной семьи в центре префектуры Шу, сейчас они обсуждают вопросы брака. Госпожа Чжун и госпожа Ген имеют немного разные взгляды на

этот вопрос и расходятся во мнении о добродетелях дочери госпожи Лю Чженцзе.

Господин Чжан был серьёзен и время от времени высказывался на тему прошлых событий в столице. Госпожа Чжан привыкла интриговать, поэтому выражалась завуалировано, чтобы не оставить ни малейшего следа. Минлань, учившаяся у старика Чжуана, хорошо умела интерпретировать такие вещи, как аллюзии на классику, и не могла не улыбаться, слушая их.

Пока они разговаривали, вошла женщина и уважительно произнесла:

— Главная госпожа, хоу хочет выпить с господином Гу, и сказал, что достанет два кувшина вина Чжу Ецин, которые ему присылали.

— Хоу сказал, что чем дольше хранится вино, тем ароматнее оно будет, — произнесла Чжан Ши. — Оно закрыто в подвальном складе. Попросите старшую служанку Фань вынуть его.

— Хоу также сказал, что хочет показать господину Гу недавно приобретённый меч Лунцань, но его не могут найти, — продолжила служанка.

— Хоу каждое утро тренируется с мечом, вероятно, он мог оставить его в комнате своего сына, — ответила Чжан Ши.

Служанка вышла, две другие отправились проверить детскую и через несколько минут вышли оттуда с мечом. Чжан Ши повернула голову и, увидев, что Минлань смотрит на неё, покраснела.

— Это вино действительно хорошего, оно голубого цвета и имеет сильный аромат, я дам тебе немного с собой, когда ты отправишься домой.

Кивнув, Минлань продолжила разглядывать её. Цвет её лица был здоровый, на нём даже был румянец. Хотя она всё ещё хмурилась, тревожная бледность и худоба исчезли, теперь Чжан Ши выглядела величественной и способной.

— Ты можешь говорить, что хочешь, почему ты так на меня смотришь?! — Чжан Ши притворилась рассерженной.

— Ничего такого, я просто думаю, что у дядюшки Шеня хорошая привычка. Ребёнок знакомится с мечами с самого детства, в будущем он, должно быть, станет генералом. Это действительно хорошо, очень хорошо! — ответила Минлань, изобразив невинный взгляд.

Чжан Ши была обескуражена.

— Ты загадочная девушка с Небес, — криво улыбнулась она. — Боюсь, в этом смертном мире

нет больше настоящих фей.

На четвёртый день после родов Шень Цхунсин впервые посетил её. И муж и жена оба были истощены и физически, и морально. Они долго сидели молча, а затем Чжан Ши всё-таки воспользовалась наставлениями матери и, разрыдавшись, бросилась в объятия мужа. Она не знала, о чём она плакала: о своей беспомощности ли, или о судьбе всех женщин мира.

— Да, в этом мире нет настоящих фей, — кивнула Минлань.

Выйдя из двора Чжан Ши, Минлань направилась к выходу, размышляя.

Всего несколько коротких фраз, проскользнувших между Чжан Ши и госпожой Чжан, на самом деле раскрывал довольно много. Теперь Шень Цхунсин каждую ночь отдыхал у Чжан Ши, просыпаясь, тренируется с мечом во дворе, а затем идёт увидеть своего сына. Перед тем как начать забавляться с ним, он оставляет меч в стороне в комнате. Муж и жена пребывали в гармонии, отец и сын испытывают друг к другу глубокую привязанность, все в доме счастливы.

Вместо того чтобы чахнуть в одиночестве, будучи высокомерной, лучше выживать, достигнув компромисса.

Во рту у Минлань была горечь, она не знала, из-за чего была подавлена.

Когда она подошла до внутренних ворот, то вдруг услышала впереди ссору и брань. Голос показался ей знакомым. Старуха, которая провожала её и шла впереди, немного смутилась:

— Кажется, спереди немного грязно, давайте обойдём.

Минлань кивнула, она не хотела во всём этом участвовать.

Как только она развернулась, перед ней выскочила молодая женщина, одетая в грязную одежду. Казалось, она хотела броситься в её сторону, а группа служанок изо всех сил пыталась её остановить.

— ...Кто смеет останавливать меня! Я умру здесь!.. — молодая женщина приставила шпильку к своему горлу и служанки замерли. — Я хочу видеть хоу! — закричала она. — Я не позволю никому из вас остановить меня! Отпустите!.. Отпустите!..

Минлань пригляделась и узнала младшую Цзоу Ши.

Нельзя было обвинить Минлань в плохом зрении. Раньше младшая Цзоу Ши всегда носила яркий макияж, поэтому невозможно было разглядеть за ним её настоящее лицо. Теперь, когда у неё были грязными не только волосы, но и тело, губы потрескались, а на нежных щеках горят два пурпурных пятна, узнать её было действительно сложно. Шрамы на её щеках были похожи на те, что остаются если неправильно выдавить прыщ. Однако Минлань знала, что это, должно быть, были следы, оставшиеся из-за треснувшей кожи.

Она выглядела очень некрасиво, и, кажется, была наполовину сломлена.

— Госпожа... Гу?... — младшая Цзоу Ши, наконец, обратила внимание на человека на своём пути и громко закричала. — Госпожа Гу, спасите моего брата! Они собираются убить его!

Она цепко схватила Минлань за руку.

— Это просто ссылка и десяток ударов, почему ты говоришь, что его хотят убить?

— Юго-запад очень беден, там не ценится человеческая жизнь... — младшая Цзоу Ши уставилась на неё, собираясь продолжить, но Минлань быстро прервала её.

— Наложница Цзоу, следите за своими словами. Семьи Гу и Цзоу не связаны кровным родством, и даже родством, через брак. Как я могу вмешиваться? Причём здесь семья Гу? Если бы я посмела вмешаться, разве люди не стали бы смеяться над семьёй Гу за то, что мы не знаем этикета?!

Младшая Цзоу Ши осознала, что говорит чепуху, но лишь сильнее потянула Минлань за руку.

— Мой господин и Гу хоу словно братья! Пожалуйста, госпожа Гу, помогите мне сказать ему несколько слов!..

Цхуйвей, которая была рядом с Минлань, отчаянно пыталась отцепить Цзоу Ши. Другие служанки тоже пытались оттянуть её, но она вцепилась в руку Минлань крепко, как клещ, и это причиняло ей боль.

В другой руке Цзоу Ши держала шпильку и очень опасно размахивала ею, пытаясь отбиться от служанок. Видя, что она вот-вот пострадает, Минлань приказала всем остановиться.

— Наложница Цзоу, ты всё ещё помнишь историю о принцессе и двух наложницах, что я рассказала в тот день?

Младшая Цзоу Ши была ошеломлена, услышав это.

— Я уже говорила тебе, что в случае чрезвычайной ситуации крайней окажешься ты, почему

ты не послушала?!

— Но в тот день...

— Ты должна была остановиться и смирить своё сердце, тогда всё не дошло бы до такого.

Цзоу Ши быстро взяла себя в руки и тут же положила руку на плечо Минлань, хватаясь за неё, как за спасательную соломинку.

— В прошлом старшая сестрица была добра ко мне и старательно напоминала мне об очевидных вещах... Старшая сестрица сочувствует мне. Теперь, пожалуйста...

— Ты ошиблась, — снова перебила Минлань. — Я сказала это не ради тебя, а ради всей семьи Шень. Шень Цхунсин — занимает важную должность в правительстве, он предан делам государства. Но теперь из-за тебя он вынужден каждый день решать проблемы в доме, и каждые три дня подвергаться осуждению и осмеянию со стороны людей.

Младшая Цзоу Ши лишилась дара речи.

— Кроме того, не называй меня сестрицей. Ты — наложница семьи Шень, а не семьи Гу, — с суровым лицом продолжила Минлань, не проявляя и капли милосердия. — Это неподобающе. Я не знаю, сколько это может вызвать сплетен, и это вызывает у меня панику!

— Ты!.. — в ярости воскликнула младшая Цзоу Ши.

В этот же момент Минлань воспользовалась возможностью и выдернула свою руку. Младшая Цзоу Ши выглядела сердитой, рука, держащая шпильку, ослабла, она опустилась на землю и обхватила колени руками.

— Наложница Цзоу, вы так сильно утомили госпожу Гу, — произнесла пожилая служанка. — Вы должны успокоиться, вернуться к себе и подумать о своём поведении вместо того чтобы устраивать такую суматоху!

Служанки тут же воспользовались моментом и схватили младшую Цзоу Ши, скрутив её в неудобной позе.

— Я не вернусь, я не вернусь!.. Вы хотите снова меня запереть! — отчаянно брыкалась младшая Цзоу Ши. — Госпожа Гу хоу! Госпожа Гу хоу!.. Достойна ли я моей старшей сестры! Твоя младшая сестра страдает из-за тебя, сестра! Даже ради неё ты не можешь... Старшая сестрица, я скоро приду к тебе, эту жалкую наложницу скоро затопчут насмерть!..

Цхуйвей в отчаянии осматривала руку Минлань, несколько пожилых служанок принялись

извиняться.

Минлань слегка махнула рукой и повернула голову в довольно весёлой манере.

— Наложница Цзоу, ты знала, что ответ на прошение с просьбой об установлении наследника вот-вот должен прийти? Когда возникли беспокойства, дворец Цзунжень задержал это дело. Ты действительно хочешь встретиться со старшим братом? У тебя есть лицо, чтобы видеться с ним?

Младшая Цзоу Ши остолбенела.

— Если твоя сестра стала духом, она наверняка знает, что происходит с её детьми и как её братья и сёстры относятся к ним, — вздохнула Минлань. — Как ты думаешь, она будет обвинять тебя или своего мужа?

Младшая Цзоу Ши прекратила вырываться, её глаза были полны отчаяния. Она обмякла и позволила служанкам увести себя. Увидев, что дорога, наконец, свободна, Минлань продолжила путь. Позади раздался отчаянный крик младшей Цзоу Ши:

— Сестрица, если бы ты была жива!.. В мире нет справедливости!.. Как только люди уходят, чай остывает!.. Кто ещё помнит твою любовь!.. Если бы ты не позаботилась об императрице и её дитя, ты могла бы дожить до сорока? Как ты могла умереть?! Теперь, когда у Хоу Е новая жена и маленький сын, разве может он помнить, что твоя могила пуста, он давно забыл тебя... Сестра, почему ты так старалась ради семьи Шень!.. Если бы ты спасла свою жизнь, сейчас ты была бы богата, но ты не смогла насладиться даже этим!..

Голос постепенно отдалялся, человек, который, очевидно, хотел снова подойти к Минлань, был утащен прочь.

Минлань замедлила шаг, её сердце гулко билось. Увидев, что с выражением её лица что-то не так, Цхуйвей тихо спросила:

— Главная госпожа, вам плохо?

— Наверное, всё дело в жаре, — произнесла пожилая служанка рядом с ними. — Почему бы госпоже Гу не пройти в павильон впереди, чтобы немного отдохнуть? Я принесу вам чашу льда...

Минлань ощущала скуку и тошноту, поэтому махнула рукой.

— Не нужно, я просто вернусь домой и отдохну.

Когда она подошла к выходу из поместья, она увидела Гу Шуня. Тот сделал несколько шагов вперёд и произнёс:

— Главная госпожа, Гу хоу всё ещё пьёт с господином Шень...

— Я вернусь первой, вы все ждите хоу, — нетерпеливо ответила Минлань.

Увидев, что у Минлань бледное лицо, Гу Шунь не осмелился больше задавать вопросов. Он просто направился во двор, где пил Гу Тинье, и, увидев, что они всё ещё разливают вино, наклонился к нему и прошептал:

— Хоу, главная госпожа, кажется, утомилась от жары. Она собирается вернуться первой.

Гу Тинье кивнул, и Гу Шунь отступил назад.

— Посмотри на себя, — с улыбкой произнёс Шень Цхунсин, услышавший последние слова. — Разве у тебя есть хотя бы половина духа второго господина Гу из прошлого? Теперь люди только и говорят, что Гу хоу и его жена приходят и уходят вместе, независимо от того, пьёт он или не пьёт, он должен уйти и отвести свою жену домой! Ну-ну, а раньше я не верил, что этот город — могила героев!..

Гу Тинье был достаточно толстокожим, поэтому он легкомысленно произнёс:

— Если бы старшая Цзоу Ши всё ещё была жива, я боюсь, что брат Шень был бы таким же.

Шень Цхунсин долгое время молчал, смотря на него.

— Мне жаль её, — жалобно произнёс он. — Когда она была жива, она не была счастлива со мной, она была убита горем и много страдала, но теперь... Я... Даже её семья!.. Я ничего не могу с собой поделать!..

Гу Тинье поднял большой кувшин и медленно налил себе вина.

— Любви достаточно, чтобы навредить ей. Если брат Шень действительно хочет быть полезен для семьи Цзоу, то тебе не стоит им больше потворствовать. В этот раз ты спас им жизнь, но однажды случится такое, от чего и ты не сможешь их защитить.

— Ты думаешь, я не пытался говорить с ними! Но они!.. — Шень Цхунсин был ошеломлён. — Пока они упоминают мою первую жену, они не оставляют мне выбора!

— Брат Шень стал таким нежным, — Гу Тинье поднял чашу и насмешливо усмехнулся. — Если

не будешь слушать их, будешь наказан, если не поможешь, тебя ударят?.. Сейчас семья Цзоу лишилась части своего имущества. Разве у них есть на кого положиться, кроме тебя?

Цвет вина был кристально-чистым, словно у природного источника. Он медленно пил вино из чаши и чувствовал как оно освежающе ароматно. Поставив чашу, он посмотрел на Шень Цхунсина.

— Брат Шень сказал, что во мне больше нет того духа Второго господина Гу. Но я должен сказать, что с тех пор, как брат Шень стал хоу, он становится всё более и более мягкотелым. Как он может всё ещё иметь ту же славу, что и на границе префектуры Шу! — сказав это, он схватил чашу и грохнул её об землю.

Шень Цхунсин некоторое время молчал, а затем поднял голову.

— С тех пор как я переехал в столицу, я всё время совершаю ошибки, на каждом шагу. Благодаря моим братьям, император проявляет ко мне сочувствие, иначе я бы уже умер несколько раз!.. — он взял стоящую перед собой чашу с вином, поднял её и торжественно продолжил. — После того как моя жена умерла, я не смог жениться на её сестре сразу же, это была моя первая ошибка. Раз уж я не смог сделать это, я должен был отнестись к её младшей сестре, как к своей, и найти её хорошую семью, но я женился и взял её в наложницы. Это моя вторая ошибка. Теперь каждый раз, когда я вижу семью Цзоу, я испытываю стыд, и я не в силах сдерживаться! — договорив, он тоже швырнул чашу об землю. Разбитый фарфор разлетелся в разные стороны.

Гу Тинье опорожнил две тарелки супа, стоящих перед ним, и налил в них вина.

— Брат Шень, не вини себя слишком сильно. По-моему, всё случилось так, как изначально планировала семья Цзоу. Они смогли упрочить свои позиции, но теперь, когда ты ясно понимаешь это, с ними будет легко справиться.

Шень Цхунсин взял свою чашу и, сделав глоток, нахмурился.

— Боюсь, теперь император очень зол на меня.

— Не обязательно, — Гу Тинье взял палочки для еды и легонько постучал по миске. — Если это частное поместье, у императора скорее всего не хватит времени, чтобы вмешиваться. На этот раз пожилой господин Чжан ясно выразил свою верность и просил его не вмешиваться во внутренние дела его семьи. Но, брат Шень, ты всё ещё не навёл порядок внутри своего поместья, не принимаешь святую волю всем сердцем. Как может император не раздражаться?

— Это моя небрежность, я подвёл императора... — пробормотал Шень Цхунсин.

— Все мы в столице просто ряска без прошлого, — Гу Тинье потряс свою чашу с вином.

— Что за семья! И это достойный сын благородного человека! — расхохотался Шень Цхунсин.

— Лучше не иметь семьи, чем иметь семью, как у меня, и лучше не иметь родственников, чем иметь родственников, как у меня, — покачав головой, ответил Гу Тинье.

Шень Цхунсин знал о внутренних делах семьи Гу, поэтому пожалел его и больше ничего не сказал.

— Все мы в прошлом были никем, но сейчас занимаем важные посты. Кто не пытается выслужиться перед нами? — продолжил Гу Тинье. — Но всё, на что мы полагаемся, это доверие императора. Может быть, через десять или восемь лет наш брат Дуань сможет упрочить своё положение, но пока этот фундамент всё ещё слишком слаб.

Шень Цхунсин торжественно кивнул и налил Гу Тинье чашу вина.

— Ты хорошо сказал, брат. Тогда... Что мне делать в будущем?..

— Тебе не нужно ничего делать.

— Что ты сказал? — ошеломлённо переспросил Шень Цхунсин.

— На этот раз ситуация для тебя выглядит опасной, но на самом деле, ты в безопасности. Во-первых, император всё ещё хочет использовать тебя, поэтому сейчас он хочет просто наказать и проучить тебя. Во-вторых, отец твоей жены не будет следить за тобой, чтобы не усложнять жизнь своей дочери.

Они оба знали, что происходило, поэтому не нужно было говорить больше.

— Итак, брату Шень сейчас действительно не нужно ничего делать, ему нужно просто заниматься самосовершенствованием у себя дома, — Гу Тинье положил на стол палочку для еды. — Император ценит старые привязанности. В конце концов, брат Шень сопровождал его в те времена, когда он ещё был принцем, и видел все взлёты и падения в течении более десяти лет. Со временем император вспомнит о прошлых временах, пожалеет брата Шеня за его мягкосердечности, и за то, что семья Цзоу воспользовалась им.

Возможно, это даже случится в ближайшее время, ведь император всё ещё хочет использовать его.

— На этот раз императрица также пострадала из-за меня, — тихо произнёс Шень Цхунсин.

— Семья Чжан крепка, у них есть прочный фундамент и связи, и престиж. Однако им не хватает доверия нового императора. Как они посмеют нанести тебе серьёзный удар, если ваш

брак был пожалован императором? Пока брат Шень разбирается с делами внутри своего поместья, вопрос будет урегулирован семьёй Чжан, чтобы показать лояльность новому императору.

Гу Тинье положил на стол вторую палочку, и обе палочки теперь были размещены параллельно. Он поставил миску вверх дном на палочки.

— Так брат Шень будет в безопасности.

На самом деле, брак Шень Цхунсина с семьёй Чжан, который поначалу казался удачным, на самом деле был обоюдоострым мечом. Если их брак не будет похож на настоящую семью, император не будет счастлив. Если они действительно по-настоящему поссорятся, они проявят неуважение, и император будет зол. Когда Гу Тинье женился на Минлань, император знал, что она лишь дочь наложницы государственного чиновника не слишком-то высокого ранга. Ему было жаль его, но в то же время император испытывал облегчение.

— Прибраться в доме? — смотря на чашу, спросил Шень Цхунсин.

— Причина, по которой семья Чжан не может сравниться по могуществу с императором, заключается в том, что они праведны и чтят традиции. Брат Шень, поступая так, как ты поступал, ты был одновременно и прав, и не прав. Ты знаешь, какое решение ты должен принять в своём сердце? — тихо произнёс Гу Тинье.

Одна была главной женой, вышедшей замуж по императорскому указу, а другая просто наложницей. Однако именно наложница могла контролировать большую часть поместья. Если у госпожи Чжан хватит духу встать на защиту своей дочери, это может плохо кончиться. Чжан Ши долго терпела, и терпела бы до сих пор, если бы во дворце и за пределами поместья не узнали, что наложница Цзоу властная, а Шень Цхунсин неравнодушен к ней и многое ей позволяет. Семья Чжан в конце концов устроила сцену. Это была не уловка, это был заговор.

— Когда моя жена умирала, она просто смотрела на меня, и ничего не говорила, — дрожащим голосом произнёс Шень Цхунсин, взяв кубок с вином. Его пальцы тоже дрожали. — Я знаю, что она беспокоилась только о детях...

— С твоим старшим сыном всё будет в порядке, в конце концов, он мужчина, — произнёс Гу Тинье. — Что касается твоих дочерей... В будущем они просто выйдут замуж.

Пока наложница Цзоу остаётся здесь, Чжан Ши никогда не сможет выступить в роли законной матери. Когда дело дойдёт до разговоров о браке в будущем, все будут знать, что две законные дочери семьи Шень на самом деле были воспитаны наложницей. Те семьи, которые чтят иерархию, будут уклоняться от брачных договоров. Судя по тому, как ведёт себя наложница Цзоу, вряд ли она сможет хорошо воспитать детей.

Лучше будет, если с этого момента их будет воспитывать госпожа Чжан. В будущем она

сможет выступить для них посредником в обсуждении брака.

Шень Цхунсин встал и прошёлся вокруг, заложив руки за спину.

— Я хочу развестись с наложницей Цзоу и найти кого-нибудь, кто женится на ней, — остановившись, торжественно произнёс он.

Кто в будущем скажет, что он балует наложницу и унижает свою жену? Многие люди в частном порядке будут рассуждать о том, что на самом деле Чжан Ши ревнива, и не желает терпеть других женщин в доме. Что касается Цзоу Ши, она в его руках, так что он просто позаботится о ней в будущем.

— Это твои семейные дела, ты должен решить сам, — Гу Тинье сделал глоток вина. — Если в семье Цзоу есть дети, подающие надежды, брат Шень может помочь им с образованием. Это также может утешить дух твоей почившей жены.

Шень Цхунсин, казалось, чувствовал себя истощённым.

Гу Тинье встал и, медленно подойдя к нему, прошептал:

— Послушай то, что я скажу тебе, брат. Восьмой принц больше не принц, он император.

Выражение лица Шень Цхунсина было мрачным. У императора было достаточно сыновей, и никто не мог сказать, что произойдёт в будущем, так что он должен быть осторожен.

— И мы уже не те, что были раньше, — Гу Тинье выпрямился и тихо вздохнул. — Старина Ген так боялся быть чиновником, и теперь ему приходится трижды думать над каждым словом, которое он говорит.

Восьмая принцесса стала императрицей, и её муж уже не был ей мужем, он был императором. Шень Цхунсин также стал государственным чиновником. От границы до столицы, от дворца до дворца, все они обладали великой властью, и каждый из них должен был измениться.

— Ты ещё помнишь тот год, когда мы пошли на вершину Цинъя, чтобы выпить... — с сожалением произнёс Шень Цхунсин.

— Десять монет за горшок некачественного вина.

— Ха-за, разве может там быть хорошее вино!

— Мы пили всю ночь, и я проснулся на вершине горы на следующий день. У меня

раскалывалась голова, но я отказывался идти домой, — улыбнулся Гу Тинье. — Даже наш брат Ченцянь не посмел вернуться к своей жене и получить от неё удар!

— Мне не повезло, поэтому мне пришлось отвести тебя к себе домой. Увидев нас, моя жена велела приготовить большую кастрюлю антипохмельного супа...

Думая о том, что происходило в тот день, Гу Тинье не мог не смеяться.

— Ах, почему ты ушла так рано, — вспомнив глубокую любовь из своего прошлого, Шень Цхунсин неожиданно разрыдался на столе.

— Брат Шень, если ты откроешься, в будущем ты сможешь хорошо проводить время с Чжан Ши, — положив руку на плечо, утешил его Гу Тинье. — Со временем у вас тоже может быть счастливая семья...

— Нет, больше никогда, — уныло ответил шень Цхунсин. — Независимо от того, искренни муж и жена или нет, нельзя обмануть друг друга. Но в мире много хороших пар, которые обманывают сами себя...

Оставаясь там ещё некоторое время, Гу Тинье раздумывал о том, обманывает ли он сам себя?

Шень Цхунсину не потребовалось много времени, чтобы окончательно опьянеть.

Гу Тинье медленно ехал на лошади к своему дому. Небо было уже тёмным, а ветер холодным, загорались редкие звёзды. Большая часть алкоголя успела выветриться к тому моменту, как он вернулся. Увидев, что в покоях темно, он никого не стал звать и сам зажёг свечу.

— Почему не горит свет?

Минлань, сидящая у окна, смотрела на небо. Она медленно повернула голову и произнесла:

— Хоу, пожалуйста, поешь.

Гу Тинье покачал головой и сел за стол. Поставив свечу, он некоторое время рассматривал её.

— Иди сюда, давай немного поговорим, позвал он.

Минлань кивнула, подошла к столу и села.

— Хорошо, хоу, пожалуйста, начни первым.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648934>